

Между верой фанатиков и безверием прагматиков

«Карабкаясь из-под глыб распавшейся советской системы, мы попадаем из одного процесса распада в другой. И нам снова вешают ленту на уши».

Г.Померанц

Не так давно я слышала по «Эху Москвы» выступление Е.Альбац, которая говорила, что советские семьдесят лет надо вычеркнуть из памяти, из сознания. Это те самые годы, в которые я и мой муж родились, росли, учились, работали. Он воевал, сидел в лагере. В брежневские годы активные противоправительственные выступления. Из-за этого срыв защиты диссертации, постоянная угроза ареста. И вместе с тем глубокая, напряженная внутренняя работа, наполненная счастливая жизнь без всякого имущественного достатка. Писали оба. В стол. Конечно, нас не печатали, только «самиздат», а потом и «тамиздат» для мужа.

Все наши друзья были оппозиционными по отношению к власти. Были диссидентами, требовавшими у власти одного: выполнения собственных законов. Так вот, вычеркнуть из памяти и сознания это время, значит вычеркнуть всех нас.

Одним из наших друзей был генерал Григоренко. Я не знаю человека более достойного, более светлого, чем Петр Григорьевич. Это был истинный рыцарь и великомученик. В юности он пошел в Красную армию, считая, что именно она борется за справедливость (пришлось увидеть страшную несправедливость со стороны «белых»). Прошел, разумеется, всю войну, дослужился до генерала, и вот уже после Сталина стал одним из активнейших диссидентов. Он выступил против режима, когда его вера рухнула окончательно, и когда молчать он не мог. Этот человек был всегда

ж и в ы м. И тогда, когда вера его была жива, и тогда, когда она рухнула. Быть живым, это, может быть, значит жить с наполненным сердцем, жить всегда по совести. Только так и жил Петр Григорьевич. Да, в советские годы его сажали в психушку, его пытали, и потом обманным путем выслали за границу. Невозвращение было для него хуже смерти, но вернуться ему не дали. И вычеркнуть эти годы из памяти и сознания – это вычеркнуть и его.

Думаю, уверена даже, что не вычеркивать это время надо, а осмысливать. И это очень и очень важно. В одной из статей, выложенных на моем сайте, я уже пыталась как-то сказать об этом времени. Хочу сделать это сейчас снова несколько иначе.

Время это начиналось с октября 1917-го – с Ленина. Мы теперь хорошо знаем, что революция октябрьская была великой бедой для России. И это знание вселяет уверенность в людей, на которых так или иначе равняется демократическая общественность, которые знают «как надо». Ну а что Ленин – исчадие ада, это уже стало общим местом.

То, что ленинская революция открыла ящик Пандоры, что дела ее были страшными, для меня бесспорно. И все же все не так просто и очевидно, как представляется сейчас нашим ведущим умам. Я говорила в вышеупомянутой статье, что людей надо бы судить не только по их поступкам, но и по мотивам этих поступков: вор, укравший, чтобы накормить голодную мать не равен вору, укравшему для того чтобы разбогатеть и т.п. Поэтому я сравнивала Ленина с Родионом Раскольниковым, душу которого съела его страшная теория. Только новый Раскольников действовал в иных масштабах. Теперь я хочу дать сравнение более точное – с Великим инквизитором, героем поэмы Ивана Карамазова. Действия его были не менее страшными, чем ленинские – костры инквизиции. Он и самого Христа собирался сжечь. Да вот задержался и стал излагать Ему свою веру. Христа он считал идеалистом, не видящим реальности.

Христос говорил, что взявший меч от меча и погибнет. В другом месте – «не мир, но меч». Но это относилось только к духовной борьбе, к отсечению

греха. Две эти фразы, взятые вместе, составляют нечто цельное, соответствующее образу Христа. Разрубив их, мы самого Христа разрубим. Это и сделал Великий инквизитор, отбросивший предупреждение против меча материального. Он был уверен, что только мечом можно излечить этот мир. Вера в то, что меч – целитель (топор, гильотина) была верой интеллигенции XIX века. Вера в хирургию великих хирургов. Об этом много говорил В.Гроссман. Эту веру и излагает инквизитор Христу. Иисус молча слушает его и... целует в бескровные девяностолетние уста.

Целует, понимая одно: это не своекорыстный злодей. Он совершенно честен. Даже чист. Не для себя старается. Верит, что помочь людям иначе нельзя. Его вера ужасна. Она губит его душу, она губительна для мира. Но это в е р а. Он – личность трагическая. Людям предстоит разобраться самим чья вера истинная – Христа или инквизитора. Христос не внедряет свою веру насильно. Он уходит, дожидаясь, когда люди сами придут к Нему. (Интересно, что Ч.Айтматов в романе «Плаха» считает, что второе пришествие это и будет время, когда люди сами придут к Христу).

Так вот, если Ленина я сравниваю с Великим инквизитором, то Сталина считаю воплощением Смердякова, не верящего ни в какие идеи спасения человечества, вообще не думающего о спасении человечества. Цену для него имеет только прагматизм. И только из него и надо исходить. Сталин брал на вооружение идеи то Бухарина, то Троцкого. Потом, убив обоих, присмотрелся к идеям Гитлера, и они пришлись ему весьма по вкусу. Но, если Смердяков в романе повесился, то новый Смердяков, отнюдь не вешается, а вешает и расстреливает других. Однако он не может обойтись без лицемерия.

Не верующий ни во что, он становится вождем людей свято жертвенно верующих. Партия Ленина постепенно становится партией Ленина-Сталина. Хотя завещание Ленина, в котором содержалась просьба ни в коем случае не ставить Сталина во главе партии, тщательно скрывается, а люди, обнаруживающие его и распространяющие, в большинстве своем кончают

жизнь в лагерях. Под знаменем Ленина-Сталина происходит уничтожение почти всех верных ленинцев. Между тем, действительно общим у Сталина с Лениным остается одно: «цель оправдывает средство». Эта общность есть у всех тоталитарных лидеров – у Ленина, Сталина и у Гитлера. Да не только Сталина, но и Ленина можно в этом объединить с Гитлером, хотя цели у Ленина и Гитлера абсолютно разные, может быть, прямо противоположные. И телеграммы, посланной Сталиным Гитлеру в 1939 году во время раздела Польши: «Дружба наших народов, скрепленная кровью...» - такой телеграммы Ленин бы не послал никогда.

Ленин теоретически отрицал идеализм и романтизм, однако первые революционеры, следовавшие за ним, были идеалистами и романтиками. Да, они убивали, сносили храмы и расчищали дорогу к свободе, равенству и братству огнем и мечом. Но они и сами подвергались смертельной опасности, всегда готовы были жертвовать жизнью, а не совестью. Совесть была отдана их идее. Мне рассказали, что когда Римский Папа (кажется, Иоанн Павел II), посмотрел фильм «Коммунист», в котором герой погибает мученической смертью, он сказал: «Вот это истинная вера». О таких людях сказано: «Гвозди б делать из этих людей: / Крепче б не было в мире гвоздей». Сталину надо было, чтобы люди служили ему так же верно как Ленину. А для этого нужно было не отнимать у людей веру. И люди верили. Верили Сталину как Ленину. Верили в идеи свободы, равенства и братства. Верили, что без жестокого подавления всех врагов, обойтись нельзя. Повторяю, вера была ложной, но это была вера в борьбу со злом, это была жертвенная вера, дававшая людям смысл жизни. Коммунисты (истинно верующие, бескорыстно) считали, что строят Царство Божие на земле. Обходились без слова Бог, но внутри была Его безымянная ипостась – совесть. Это б ы л о.

Доверие Сталину было огромным, абсолютным. Поэтому дети арестованных, даже расстрелянных родителей шли на фронт защищать Родину, считая, что родители взяты были по ошибке, скорее всего, без ведома Сталина. Верили в Сталина несмотря ни на что. Разоблачение

Сталина было подобно взрыву атомной бомбы для сознания старых большевиков. Мой отец, исключенный перед смертью Сталина из партии, снятый с работы, и обвиненный чуть ли не в краже белья из рабочего общежития, лежавший дома с инфарктом, был в безумном горе, когда умер Сталин. Через месяц я первый раз в жизни увидела отца рыдающим (до тех пор слез его никогда не видала). Это было 4 апреля 1953 года, когда диктор сообщил об отмене дела врачей и сказал, что к ним были применены «недозволенные методы следствия». Сорокавосемилетний больной мужчина метался по кровати и кричал так, что было страшно слушать. У него рухнула вера.

До этого, когда я двадцатипятилетня с ним спорила (чувствуя многое, хотя и не понимая ясно), он негодовал: «Из тебя так враг может вырасти!», а в другие тихие минуты говорил мне: «Доченька, если поверить тебе, мне нужно кончать жизнь самоубийством». Он был недалек от этого. Спасла его Ольга Шатуновская, его друг, тоже старый большевик, отсидевшая двадцать лет в тюрьмах и лагерях. А потом, по поручению Хрущева, проводившая реабилитацию миллионов невинных жертв. Мой муж, Г.Померанц, написал книгу о ней «Следствие ведет каторжанка».

Так вот, потеря веры, была страшней потери жизни. В романе Гроссмана «Жизнь и судьба» есть разговор фашиста Лисса с арестованным старым большевиком Мостовским. Гитлеровец доказывает большевику, что война наших режимов ошибка, что режимы эти тождественны. Большевик в ужасе от этих доказательств. В этом ужасе вся разница. Большевик верит совсем не в то, во что фашист. Может быть, в прямо противоположное. Вот только средства достижения цели у них одинаковы. А если цель оправдывает средства, то средства, в конце концов, и пожрут цель. Как это у нас и случилось.

Цель оправдывала средства у Ленина, Сталина и Гитлера. Старый большевик верил в цель, провозглашенную Лениным, был в ужасе от цели Гитлера и не замечал или старался не замечать сталинского безразличия ко

всякой цели, кроме укрепления тоталитарного государства. Этого не хотел замечать и мой отец, хотя замечал ведь... Всю жизнь над его столом висела фотография Ленина, читающего «Правду», и никогда в нашем доме не было портретов Сталина, вполне чтимого отцом. Это ощущалось дурным тоном, бездарно навязываемой пропагандой (отцу казалось, что сам Сталин должен был страдать от этого!) Когда один раз в жизни гость за нашим столом произнес тост за Сталина 7 ноября, мои родители были глубоко шокированы. Постепенно настоящая вера сменялась пропагандой, зомбирующей людей. Вера идеалистов, считавших себя верными материалистами, мертвела. Люди превращались в зомби или в лицемерных негодяев. Этот процесс и привел к концу социализма в нашей стране.

Почему я так много пишу об этом? Потому что хочу сказать, как важна человеку вера, дающая смысл жизни, и что эта вера делала живыми огромное большинство людей, проживших семьдесят лет при людоедском режиме. И нельзя, невозможно ставить знак равенства между сталинским и даже брежневским режимом и страной, людьми, жившими в это время. Это страшная ошибка нашего постперестроечного мышления, приведшая к хаосу в сознании, к торжеству пошлости и цинизма.

Да, страна делилась на палачей и жертв. Да, нами правили палачи. Но мы, жившие в страшной несвободе, были внутренне намного свободнее, чем большинство людей свободных стран и нашей страны сегодня. То, что мы видим сегодня у нас и то, что была все время на Западе, который мы бесконечно идеализировали, на помощь которого надеялись – все это очень похоже на ангела Церкви Лаодикийской, ни холодного и ни горячего, а лишь теплокровного. В нем нет подлинного накала веры, а потому Бог и хотел «извергнуть» Его из уст Своих.

Бог, смысл, полнота жизни будет там, где есть истинная жажда, где есть неутолимая жажда веры, там будет и вера.

Я помню как к нам в те, брежневские, годы приезжала журналистка из Англии и говорила, что хотела бы быть здесь с нами. Здесь она чувствует

настоящее биение жизни, а дома – обустроенное существование. Парадокс? Но это правда.

Таким, как А.Платонов, В.Гроссман, Пастернак, Ахматова, Даниил Андреев (список можно было бы продолжать и продолжать) – дышалось с большим трудом. Их или душили совсем, или отмеряли воздух по очень скудным меркам. Но властителями наших дум были они, а не те, кто их душил. И четверостишие Ахматовой об этих годах тоже говорит о многом: «Нет! и не под чуждым небосводом / И не под защитой чуждых крыл – / Я была тогда с моим народом, / Там, где мой народ, к несчастью, был». Да там был народ, тесно связанный со своей землей, Родиной. Оставалось еще немало тех, кто верил в коммунистическую идею. Но было кроме этого и множество других, простых людей, бесконечно любивших свою землю и русскую культуру, включавшую в себя культуры соседних республик, обогащавших их и обогащавшихся ими. Примеры: Айтматов – гордость и киргизского и русского народов, и, разумеется, наш классик Фазиль Искандер, да и Василь Быков. Я уже говорила о них, но не могу не повторить сейчас. Вера долго была общей, и это сроднило, сплотило народы.

И вот наконец Отечественная война. Ее Сталин выиграл или миллионы подвижников, которые шли и шли защищать нечто святое, неотделимое от сердца? Патриотизм – что это такое? «Deutschland über alles». Мы лучше всех! Это патриотизм? Нет – это уже не патриотизм, это национализм, перешедший в нацизм. Безумие национального эго. Настоящий патриотизм нечто совсем другое. Это щемящее сверхрациональное чувство своей неотделимости от родной земли, от родной среды. И это чувство не менее священо, чем любовь к матери и детям.

Иногда чувство Родины бывает источником творчества и когда оно иссякает, перерождается и само творчество. Так случилось у Набокова. Когда чувство Родины в нем угасло, он стал виртуозным мастером, может быть, тончайшим фокусником, но это все не раскрывало, а закрывало душу, постепенно делая ее почти что ненужной, заменяемой изящной формой.

Исчезла боль, и появилось любование вместо любви. Вот процесс такой замены на глазах происходит сегодня. К этому я еще вернусь. Это, может быть, самое болезненное и важное, но сейчас еще немного хочу поговорить об Отечественной войне, которую, кстати, на Украине уже называют не Отечественной, а просто мировой. Но тогда она для всех нас была Отечественной и песни о ней были поразительны.

Идет война народная,
Священная война!

Да, священная. И вот в фильме Достая «Штрафбат», который считаю великим фильмом, в армии появляется священник. Это совершенно неправдоподобно, но художественно оправдано. Его спрашивают бойцы: где он научился воевать? «На гражданской». «А за кого ты там воевал?» «За «белых», конечно, неужели за «красных?» Но когда на родную землю идет завоеватель, тут уже цветов не разбирают. Он за Родину, хотя, отнюдь не за Сталина. (А Деникин, который просил, чтобы его взяли простым солдатом в советскую армию?) Да, шли в бой с криком «За Родину, за Сталина!» Пропаганда была сильна. И все-таки воевали за Родину.

Главного героя фильма Твердохлебова хочется назвать не иначе как истинным праведником. У этого человека нравственное чувство абсолютное, как может быть абсолютным слух. И нравственное чувство и неотделимое от него мужество. А ведь это то самое, на что равнялись советские дети, советская молодежь, - все те, кого так презрительно именуют сейчас «совком». Советская идеология это одно. Советское воспитание к ней отнюдь не сводилось.

По тому же «Эхо Москвы», по которому я слышала беседу с Е.Альбац, услышала я другую беседу, с Гусевым, редактором «МК». Он сказал примерно следующее: «Хорошо будет тогда, когда вымрут те, кто помнит советское время и «добрые советские фильмы».

Вероятно, имелось в виду, что те, кто тоскует по добрым советским фильмам, тоскует и по всему тому «доброму» времени, испытывает ностальгию по советскому прошлому. Так вот, опять - или все плохо, или все хорошо. Черно-белая картина. А картина не была черно-белой. Это было очень черное время, в котором жили отнюдь не только черные люди и делались не только черные дела. И не все надо было уничтожать до основания. И лучше подумать наперед, что «затем».

Мне, помнящей добрые советские фильмы, очень много лет. Совсем недолго ждать моих похорон. Но я не думаю, что это решит все проблемы.

Наряду с лакировочными фильмами, обслуживавшими идеологию, были, действительно замечательные, высокохудожественные фильмы. И что очень важно, были они очень целомудренными, хранящими души в чистоте. Как экранизировали классику, особенно Чехова!.. К классике вообще относились бережно. Мы воспитывались на классической русской литературе, и поэтому из нас не так легко было вытравить стремление к действительно высокому, подлинному. Нет, далеко не все укладывается в современные стереотипы. Идеология была ложной, вера страну обманула. И все-таки это была вера, и на смену ей должна была прийти другая вера, а не безверье и прагматизм.

Вера в коммунизм рухнула. Царство Божие на земле невозможно, пока не будет открыто Царствие Божие внутри нас, пока мы не научились видеть и слышать мир, подаренный нам, пока мы не спрашиваем с самих себя больше, чем со всех других – в первую очередь с себя, а потом уже с кого бы то ни было вовне. Царство праведных могут построить только праведники. Идеализм? Утопия? Я уверена, что это единственная реальность, при которой можно сохранить жизнь на земле.

И вот ведь что интересно – мы пережили страшное время. Разрушение церквей. Вера в Бога преследуется. Коммуниста могут исключить из партии за то, что он крестит ребенка. Аресты священников, надругательство над иконами. И в это самое время Феникс восстает из пепла: появляются люди подлинного религиозного опыта, испытавшие встречу с Высшей

Реальностью. Именно в пустоте, в ничем, где нет никакой опоры на внешнее, даже на самые прекрасные традиции, происходит встреча с живым Богом. Появляются такие поэты как Даниил Андреев, стихи позднего Пастернака, такие замечательные праведники как поэт Александр Солодовников – обращение внутрь, в глубину, и только в нее. В романе Гроссмана «Жизнь и судьба» есть Иконников. Человек, который потерял веру в Бога, увидев Освенцим и раскулачивание русских и украинских крестьян. Жизнь стала бессмысленной. Бога в ней нет. И вдруг он попадает в избу простой русской крестьянки, и видит какую-то сверхъестественную доброту, видит человека, для которого всякая боль - своя боль. В том числе боль врага, немецкого солдата. Солдаты эти квартируются в ее избе, чистят автоматы, и один из них случайно ранит себя на ее глазах. И она помогает ему, поит его, это в то время, когда те же немцы повели расстреливать ее мужа, связанного с партизанами. Она, может быть, и не знает вовсе о заповеди любви к врагам. Ее никто этому не учил. Но в ее сердце живет невероятная «дурацкая» (так назвал ее Иконников) доброта. Вот, что ошеломило Иконникова. Он понял вдруг, что Бог есть, раз есть такая доброта. Жизнь его снова обрела смысл. Ничего нового он не открыл. Две тысячи лет назад сказано, что Царствие Божие внутри нас. Но эти слова были мертвы, пока не родились заново в нем самом.

Вот какая вера должна была сменить веру в коммунизм. Вот какие энтузиасты должны были начать работу не по строительству новой идеологии, «русской идеи», а по воскресению подлинной веры, без которой душа умирает.

Много говорилось о русской духовности, потом над ней стали смеяться, наша спиритуальность вылилась в особое пристрастие к спиртному, к размыванию всех форм, хаосу, бедламу. Это так. И все-таки, русская духовность есть. Она может быть в том, что народ наш более, чем какой-либо другой, не может жить без веры. Цветаевский город Гамельн, упорядоченный, сытый и до смерти скучный - не для нас. Мы будем или в

сто раз безобразнее или прекраснее, но т а к мы не можем. (К.Леонтьев считал, что в России легче встретить святого, чем просто порядочного человека). И вот это-то надо увидеть тем, кто хочет не стыдиться за свой народ. Надо увидеть боль народа и его растерянность в период безверья. Нам предстоит очень трудная работа, но понимать, что она нужна, необходимо. А для этого, прежде всего, надо не зачеркивать, не отбрасывать всю нашу историю, а осмыслять и усваивать ее уроки.

Все революционеры «мерзавцы», а мы, отвергающие их - светлые и прекрасные. Октябрь проклят, а Майдан, а поджог дома Профсоюзов, вооруженный переворот, к которому привел Майдан – это свет. Ну да, в Октябре боролись против светлого, как нам сейчас кажется, прошлого, а на Майдане - против нашего черного настоящего и советского не менее черного прошлого, с которым надо было окончательно покончить.

О нашем черном настоящем я еще поговорю, и не собираюсь высветлить его ни на йоту. Но средства борьбы в Октябре и на Майдане были весьма и весьма сходными. Так что, цель оправдывает средства? Или Майдан был абсолютно мирным? Первый Майдан – оранжевая революция, действительно был мирным и привел к власти Ющенко, которого потом тем же мирным путем сместили, заменили... Януковичем. А Ющенко успел объявить национальным героем Бандеру и, кажется, памятник ему поставил.

Конечно, наши официальные СМИ несли очень много лжи. Переворот февральский в Киеве не был фашистским. Вначале это был протест чистых людей. Но протест должен иметь свои границы, уметь вовремя остановиться и не дать себя использовать чуждым силам. Когда речь шла о фашистах, не было дыма без огня. Один убежденный сторонник Майдана писал, что «правого сектора» было каких-нибудь двести-триста человек, а Москва раздула это до миллионов. Знаете, мне вспомнился анекдот о том, что одна сваха, расхваливая невесту, сказала, что у нее только один малюсенький недостаток: она чуточку беременна. Так вот, да, раздули, да создали антиукраинскую истерию, но раздули огонек, который все же был. Пусть на

президентских выборах рейтинг «правого сектора» свелся почти к нулю, но все же «оранжисты» или «майдановцы» признавали Бандеру своим героем и не отказались от услуг «правого сектора» при вооруженном перевороте.

И еще одно: рывок на Запад в ЕС. Может быть, это и был основной стимул Майдана. Многие мои друзья говорят, что в этом нет ничего худого. Что и России хорошо было бы вступить в ЕС. Тут я не специалист и судить не берусь. У меня есть только интуитивный протест. Но вот что никакие экономические и политические блага не стоили тех жертв, того хаоса и кровопролития, которые за этим последовали – за это я ручаюсь.

Опять ж я знаю, что многие страдающие честные сторонники Майдана во всем последующем кошмаре обвиняют только одного человека – Путина. Путин становится всемогущим. Об отношении к Путину в этой ситуации и не только в этой – речь впереди. Но неужели люди, затевавшие переворот, не могли предвидеть пожара, который потом может разгореться? Неужели на Украине, и Восточной и Западной, все сторонники Майдана? Что, антимайдановские настроения, дошедшие до гражданской войны нельзя было предвидеть? Да, российские официальные СМИ нападали на киевское правительство. Российские либеральные СМИ столь же яростно нападали на свои официальные. Но вот что я прочла в «Новой газете» от 4 июня 2014-го: «Когда находишься в Донецке, понимаешь, что информационная война, которая ведется украинскими и российскими СМИ абсолютно стерла границу реальности и понимания с обеих сторон, что на самом деле происходит сейчас на востоке Украины. Реальными остаются только жертвы этой войны».

У Г.Померанца есть книга под названием «Страстная односторонность и бесстрашие духа». Страстная односторонность почти всегда говорит правду, но не всю правду. Чтобы сказать всю правду, надо подняться до уровня Волошина, укрывавшего у себя в доме в гражданскую войну всех гонимых; защищавшего «красных» от «белых» и «белых» от «красных», и хорошо понимавшего, что справедливость - кровавая добродетель.

То, что «дьявол начинается с пены на губах ангела», это фраза Померанца стала уже пословицей. Борьба за справедливость довела до одесской Хатыни и до грузовиков с гробами, отправляемых из Донецка в Россию. В Украинских СМИ, пишет та же «Новая» - погибших назвали наемниками и террористами. Не думаю, что все погибшие стоили этого названия. Нет, не думаю. Среди погибших был и наш друг, известный переводчик Андрей Миронов. Померанц говорил, что патриотизм это гордость и стыд за свою Родину, неотделимые друга от друга. Стыда за свою Родину мы испытали предостаточно. Умирали от стыда 1968-ом, когда наши танки вошли в Чехословакию. Муж мой, прошедший всю войну, испытывал великую гордость от победы, слишком дорого нам доставшуюся, но гордость эту залил жгучий стыд за поведение наших солдат в побежденном Берлине. Стыд и великая боль. Вот боли за свою страну и свой народ в наших либеральных СМИ мне сильно не хватает. Есть стремление отделиться, противопоставить себя не только правительству России, но и стране. И это моя боль. Что же касается стыда, то его не оберешься.

Мне невыносимо стыдно, когда по каналу «Культура» показывают торжественное открытие памятника Сергею Михалкову – эталону пошлости и лакейства. И мне не просто стыдно, но и невероятно больно за то, что «болотное дело» становится вечным. И за то, что Россия посылает в Восточную Украину своих националистов, своих прохановцев и дугинцев, мне тоже очень стыдно и очень больно. А фанатичный национализм наш реакция на другую односторонность – засилье в наших умах прагматизма и безверия. И вряд ли мятеж на востоке Украины дела одной России. Там антимайдановские чувства были болезненными и органичными. Донецкие и славянские повстанцы чувствовали себя одной страной с Россией, они не хотели присоединяться к Западу, роль которого во всем этом кризисе кажется мне во многом провокационной. Я очень не хочу нашей изоляции, очень не хочу противопоставления России и Запада. Но думать о Западе, как о совершенно правой и чистой стороне, к сожалению, не могу.

Влезать в историю и политологию тоже не хочу. И поэтому мой разговор о Крыме может быть чисто эмоциональным. Я смотрела документальный фильм «Оборона Севастополя». Трудно описать волнение, которое я испытывала, и преклонение перед героями этой общей нашей Родины. И говорить после этого о русской агрессии в Крыму, сравнивая ее с гитлеровской, трудно, очень трудно. Севастопольский флот мог оставаться в Украине, пока она была дружественной, но после переворота и приближения НАТО к восточной границе...

И вместе с тем в Крым не пускают Джемилева, и думать об этом тоже невероятно трудно и за это очень стыдно.

Я хочу закончить эти размышления словами Григория Померанца: «Когда началась война в Чечне, я долго молчал. Мне хотелось понять всех - и чеченцев, и русское население Чечни, и молчаливое большинство русского народа, скованного страхом за распад державы. Я стал писать, когда все участники конфликта заговорили во мне на равных правах, когда сложился внутренний диалог принципов. Я не верил в правду одного принципа. Я верил в правду диалога, кружения вокруг пустого центра, пустого места, для применения принципов, потерявших жесткость, ставших текучими».